

18+

Леонид Канашин

ЛЮБОВЬ И ЯРОСТЬ КЛЮЧЕВСКОЙ СОПКИ

Леонид Канашин

**Любовь и ярость
Ключевской сопки**

«Издательские решения»

Канашин Л.

Любовь и ярость Ключевской сопки / Л. Канашин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902140-3

...и под большим секретом поведал о жуткой тайне местных вулканологов, с которых взята подписка о неразглашении. Оказывается, вулканы являются живыми организмами. Вулканы имеют разум и чувства. Например, они не любят чужаков. На той же Ключевской сопке народу уже погибло несчитано, но ни одного местного, все приезжие! «Вот до вас Ключевская была как на ладони, а сейчас что мы видим?.. Ни черта мы не видим! Закрылась она, предупреждает, что лучше вам на нее не ходить!..»

ISBN 978-5-44-902140-3

© Канашин Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	15
Глава 3.	22
Глава 4.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Любовь и ярость Ключевской сопки

Леонид Канагин

© Леонид Канагин, 2018

ISBN 978-5-4490-2140-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Друзья-соперники

Не секрет, что среди девушек, которых ветром романтики заносит в геологию, редко встречаются настоящие красавицы. Именно по этой причине приезд Елены Соболевой вызвал в коллективе Хабаровской экспедиции небывалое возбуждение.

Елена была чудо как хороша собой! Когда в обеденный перерыв она появлялась в дверях большого зала экспедиционной столовой и, стуча каблучками-шпильками, проходила к раздаточной стойке, шум в помещении стихал – все смотрели, как она несет свое легкое гибкое тело, как она держит изящную головку, увенчанную высокой прической, открывающей нежную шею. Елена, казалось, совсем не замечала взглядов, на нее устремленных. Ей было двадцать лет, и красный диплом геологоразведочного техникума представлялся ей пропуском в необыкновенно увлекательную и счастливую жизнь.

У экспедиционных тетушек появилась новая тема для пересудов. Большинство склонны были считать, что такой симпатичной малявки в экспедиции еще никогда не было и что вряд ли кто из многочисленных экспедиционных холостяков сможет составить ей достойную пару. Скорей всего, Елену уведет какой-нибудь пилот из авиаотряда, обслуживающего экспедицию во время летних полевых работ. Такое уже случалось: ведь девушкам так нравится авиационная форма! К тому же обычно после первого полевого сезона романтический туман навсегда покидает красивые головки.

Елена поселилась в общежитии и при ближайшем знакомстве оказалась приветливой и простосердечной девушкой. Стояла поздняя осень, почти все геологические партии, завершив полевые исследования, вернулись в город, и общежитие гудело, как переполненный улей. Записные экспедиционные ухаеры, поначалу огорошенные неожиданным явлением девичьей красоты такой невиданной силы, мало-помалу пришли в себя и бросились на приступ ее сердца. Но не тут-то было! Елена, как и ожидалось, оказалась весьма разборчивой девицей. Ко всему прочему, несмотря на молодость, она обладала еще умом и тактом и умела столь деликатно отклонить ухаживания пылких поклонников, что никто из них не только не почувствовал себя обиженным, но и не потерял до конца надежды.

Впрочем, нашлись и такие, кто кавалерийскому наскоку предпочел длительную осаду и обходные маневры. К примеру, инженер-геолог Семен Сарафанов. Тетушки относили Семена к числу пусть не блестящих, но вполне ничего так себе женихов. Ему исполнилось двадцать шесть лет, и он был на хорошем счету у руководства, хотя и не хватал звезд с небес. Всем была известна история его неудачной любви: девушка, за которой он ухаживал долгое время и которой он сделал предложение, ушла от него накануне свадьбы. С тех пор Семен стал осторожен в проявлении чувств.

Красавица Елена имела некоторое сходство с его прежней пассией, и новое увлечение захватило Семена с такой силой, что он буквально заболел Еленой: он постоянно думал о ней, она грезилась ему по ночам, и с ее именем он просыпался.

Надо сказать, Семен имел серьезное преимущество перед другими претендентами на сердце Елены: она была зачислена в ту же геологическую партию, где работал и он. Более того, его назначили наставником молодой специалистки Елены Соболевой. Семен едва не терял сознание, когда она, склонившись вместе с ним над картой, ненароком касалась его плечом или коленом. А как он страдал от жгучей ревности, видя ее веселящейся в компании молодых ребят, ее сверстников, прибывших в экспедицию вместе с ней! С Семеном (Семеном Викторовичем!) она вела себя с подчеркнутой уважительностью, давая понять, что прекрасно осознает дистанцию, лежащую между ними. Не сразу и с большим трудом ему удалось приучить ее

не обращаться к нему на «вы». Учитывая все это, а также трезво оценивая свою внешнюю привлекательность, Семен понимал, что у него весьма мало шансов на ответное чувство. Однако случались ночи, когда в пораженном любовным недугом мозгу Семена возникали такие интерпретации прошедших дневных событий, из которых следовало, что Елена все-таки испытывает к нему чувства несколько большие, чем просто дружеские, – и тотчас же в его затуманенной бессонницей голове рождались планы решительного объяснения. Планы эти, однако, не выносили дневного света и умирали с приходом утра.

Новый 1979 год экспедиционная молодежь встречала на загородной базе отдыха. Начались танцы. Елена была нарасхват, и Семен оказался далеко не первым из тех, кому удалось ее пригласить. Он осторожно держал Елену за хрупкую талию, заглядывал ей в глаза и таял от нежности. Елена же почти не обращала внимания на своего партнера: она смотрела по сторонам и обменивалась шутивными репликами с другими танцующими. Семен был глубоко разочарован и уязвлен. Тем не менее, спустя некоторое время, он снова подошел к Елене с приглашением – и это ее озадачило. Она посмотрела на него недоуменно и несколько растерянно, во время танца уже не отвлекалась и не отстранилась, когда Семен осторожно привлек ее к себе.

С этого дня их отношения незримо для окружающих изменились. Как сладостно было Семену, передавая Елене, к примеру, карандаш, как бы ненароком задержать ее тонкие прохладные пальцы в своей руке и чувствовать, что она не спешит прервать это счастливое прикосновение! А каким восторгом переполнялось его душа, когда в общем разговоре после какой-нибудь удачной своей шутки он ловил на себе ее ободряющий восхищенный взгляд!

Семен, как все увлеченные своей профессией геологи, часто оставался вечерами на работе. Теперь и Елена стала задерживаться, чтобы помочь своему наставнику. Беседы во время неспешного возвращения домой стали самой приятной частью этих вечеров. В основном, конечно, говорил Семен. Он работал в геологии уже пятый год, и у него было о чем рассказать начинающему коллеге.

Семен распределился в Хабаровскую экспедицию вместе со своим институтским другом Олегом Подгорным, и их сразу же направили в геологическую партию, занимавшуюся поисками руды в самой труднодоступной горно-таежной местности.

Однажды они с Олегом возвращались таежной дорогой в лагерь, и им под ноги из чащи выкатился маленький медвежонок. Семен угостил его кусочком сахара, после чего медвежонок увязался за ними. На вежливые уговоры отстать он не поддавался, а применить к нему силу было страшно, так как к этому времени появилась его огромная мамаша. Она ломилась по кустам параллельным курсом в паре метров от дороги и обеспокоенно следила за происходящим, готовая в любой момент вмешаться. И только при подходе к лагерю, услышав лай собак, медвежонок отстал, обрадовав этим всех взрослых участников происшествия.

А как-то перевернулась резиновая лодка, в которой они, ведя геологические исследования, сплавлились по таежной реке, и все их съестные припасы достались рыбам. До ближайшего поселка насчитывалось более ста километров, но они решили не прекращать работу. Питались таежными ягодами, корнями растений, иногда мелкой рыбешкой, которую удавалось поймать самодельным бреднем. Когда через две недели добрались до базы, исхудали настолько, что их не сразу и узнали...

Подобных происшествий и испытаний на долю двух друзей выпало так много, что из них можно было составить не один приключенческий роман.

Рассказал Семен и о том, как они с Олегом два года назад во время отпуска летали на Камчатку, чтобы посмотреть на начавшиеся извержения Толбачикских вулканов. Правда, им не очень повезло: пока они собирались и добирались, излияния лавы на Толбачикском плато прекратились. Тем не менее им удалось застать новорожденные вулканы, имеющие высоту египетских пирамид, еще горячими. Они набили рюкзаки образцами вулканических бомб и мине-

ралов, до одури надышавшись при этом вонючими слезоточивыми газами, вырывающимися из кратеров.

Елена, слушая рассказы Семена, глядела на него восторженными глазами, и он, воодушевленный этим, порой с трудом сдерживался, чтобы тут же не признаться ей в любви. Но, обжегшись на молоке, дуют и на воду, и Семен решил отложить выяснение отношений до лета. Он надеялся, что в тайге, когда они будут ходить с Еленой в геологические маршруты и, следовательно, оставаться длительное время наедине, все решится само собой и наверняка.

На всех этажах общежития гремела музыка, девушки в косынках, скрывающих накрученные с утра бигуди, колдовали на кухне, парни переносили в комнату отдыха столы и стулья – шли приготовления к праздничному ужину по случаю Восьмого марта.

Семен закончил утюжить любимую рубашку и отправился в душевую комнату. С утра он ездил к приятелю из геодезической экспедиции, который обещал дать ему ледорубы и кое-какое другое горное снаряжение. Поездка оказалась не совсем удачной: Семен получил все, кроме альпинистских кошек. Где еще можно достать в Хабаровске альпинистские кошки, Семен не знал. Оставалось надеяться, что при восхождении на Авачу они смогут обойтись без них.

Побывать еще раз на Камчатке – и не просто побывать, а забраться на вершину какого-нибудь большого действующего вулкана – Семен и Олег решили сразу же после первого своего камчатского путешествия. Тот же приятель-геодезист когда-то проводил на Камчатке картографическую съемку. Он посоветовал для восхождения Авачинский вулкан, расположенный недалеко от Петропавловска-Камчатского. В середине лета на Авачу поднимаются даже школьники, а вот в марте, предупредил геодезист, это сделать будет непросто – на Камчатке в это время еще стоит зима: снег, морозы, ветра... Тем более что высота – почти три тысячи метров. Но кроме марта у Семена с Олегом вариантов не имелось: в зимние месяцы совсем уж холодно, а с апреля по ноябрь у геологов полевой сезон и получить отпуск в это время нереально.

Покорять Авачу они собирались еще в прошлом году, но не срослось: начальство не отпустило Семена в отпуск даже и в марте. Да и в этом году до недавнего времени все было неопределенно. Теперь уже Олег мог остаться без отпуска. В прошедшем полевом сезоне партия, в которую он накануне перевелся, открыла богатое месторождение вольфрама, и там сразу же развернулись разведочные буровые работы. Олег оказался в числе первооткрывателей, и его назначили старшим геологом нового месторождения. Поэтому он как уехал весной в тайгу, так до сих пор в город не вернулся. Правда, Семен каждый день мог созерцать в фойе экспедиции его портрет на Доске почета. Олег Подгорный – красавчик, комсомольский активист и первооткрыватель месторождений – улыбался ему с портрета своей белозубой кинематографической улыбкой.

В феврале Олег прислал письмо, в котором сообщил, что он все-таки договорился насчет отпуска, что вернется в Хабаровск в начале марта и что на конец марта можно покупать авиабилеты до Петропавловска-Камчатского.

Елена, узнав от Семена о предстоящем путешествии, вопреки его ожиданиям не выказала особого восхищения. Она сказала, что три тысячи метров – это не такая уж большая высота. Вот у них в техникуме ребята поднимались на Кавказе на высоту почти четыре тысячи...

Уязвленный Семен в ответном письме Олегу предложил изменить планы и штурмовать не Авачинский вулкан, а Ключевскую сопку – самый большой вулкан не только Камчатки, но и всей Евразии. Он напомнил, что на высоте три тысячи метров они вообще-то уже были, когда работали на хребте Черского. Хочется теперь чего-то большего...

Ключевскую сопку они видели с самолета при возвращении домой. Самолет, взяв курс с севера полуострова на Петропавловск-Камчатский, заложил вираж вокруг Ключевской группы вулканов. Стояла редкая для Камчатки ясная погода. Пассажиры прильнули к иллюми-

наторам. Семен и Олег первым делом нашли внизу цепочку молодых угольно-черных вулканчиков, на которых они побывали, и рядом с ними – сближенные громады Острого и Плоского Толбачиков. За Толбачиками белела скромница Удина; неугомонный Безымянный, возвышающийся рядом с ней, коптил небо бурым вулканическим дымом, еще чуть дальше сверкал под солнцем ледяной Камень, похожий на торчащий острием вверх гигантский осколок темно-зеленого бутылочного стекла; и рядом с ним выше всех, выше самолета, возносилась к небу божественно красивая Ключевская сопка в белом облачном нимбе. Царь-гора!..

Олег написал в ответ, что у Семена, по всей видимости, не все в порядке с головой (не кусал ли его в прошедшем сезоне энцефалитный клещ?). С чего он решил, что им по силам подняться на Ключевскую сопку?.. Пять тысяч метров над уровнем моря в северных широтах, тем более в марте, почти зимой, по условиям восхождения равняются семи тысячам метров где-нибудь в Гималаях. Нужно иметь соответствующее снаряжение и немалое альпинистское мастерство – на уровне хотя бы кандидатов в мастера спорта. Так что про Ключевскую надо забыть!..

Мнению Олега можно было доверять: как-то студентом он побывал в альплагере на Алтае и даже имел значок «Альпинист СССР».

На этом переписка друзей прервалась, и Семен хотя и продолжил подготовку к поездке на Камчатку, но уже без прежнего энтузиазма.

Празднование женского дня уже началось, когда Семен появился в комнате отдыха. Все сидели за общим длинным столом. Он нашел глазами Елену и отметил с досадой, что места рядом с ней заняты. Елена, поймав его удрученный взгляд, изобразила мину, означающую: «Да, вот так! Не надо опаздывать!...». Семен сел напротив. Еще никогда Елена не казалась ему такой красивой. Глядя на нее, Семен испытывал необыкновенное чувство, в котором волшебным образом соединялись восторг и страх, радость и тревога. Похожее состояние приходило к нему, когда он летал во сне.

С дальнего конца стола предложили выпить за тех, кто в поле, и Семен сразу подумал о своем друге. Все поднялись с кружками в руках и вдруг восторженно закричали, глядя в сторону входной двери. Семен обернулся и увидел Олега Подгорного собственной персоной. Семен выбрался из-за стола, протиснулся среди желающих пожать Олегу руку, и они обнялись. Олег отрастил длинные волосы, отпустил усы и бородку и напоминал теперь Че Гевару, вернувшегося домой после партизанских рейдов в Латинской Америке. От него пахло дымом костра. Семен дал ему ключ от комнаты, и Олег пошел привести себя в порядок и переодеться. Через полчаса он уже сидел за столом рядом с Семеном.

Вечеринка была в разгаре, из магнитофона, включенного на полную громкость, несло задорное «Багама, багама мама...», говорили все разом и не разобрать о чем, смеялись.

– Что за деваха? – спросил Олег, наклонившись к уху Семена и показывая глазами на Елену Соболеву.

– Что? – переспросил Семен, соображая, как лучше ответить.

– Деваха напротив нас сидит – это кто?

– Молодая специалистка, в нашей партии работает, – ответил Семен небрежно.

Елена, догадавшись, что они говорят о ней, поправила прическу. Уже несколько раз до этого Семен перехватывал ее внимательный взгляд, устремленный на Олега, и тягостное чувство надвигающейся беды овладело им.

Прошла неделя. Семен лежал без сна в своей постели. На известковой стене темнели, слегка колышась, лунные тени голых веток тополя, стоящего за окном. Близилась полночь. На соседней кровати посапывал Малыш. Кровать у окна, принадлежащая Олегу Подгорному, была пуста. Семен знал, что у Олега сегодня, как и в предыдущие вечера, свидание с Еленой Соболевой. Хорошо, что он, Семен, ушел в отпуск и поэтому избавлен от неприятной необ-

ходимости видаться с Еленой на работе. И как замечательно, что в их отношениях осталась недосказанность, которая делает разрыв менее болезненным! Впрочем, о каком разрыве может идти речь? Ведь ничего-то и не было, кроме ни к чему не обязывающих взглядов и почти нечаянных прикосновений. И славно, что Олегу не известно даже и об этой малости.

Олег Подгорный всегда легко завоевывал внимание девушек. Он обладал какой-то особой породистой красотой, которая действовала на них неотразимо. При этом сам Олег никем долго не увлекался. Как-то он признался Семену, что его интерес даже к самой замечательной девушке сразу начинает угасать, как только он добивается от нее взаимности. Семену было горько сознавать, что лучший друг походя лишил его надежды на близкое, как думалось, счастье, отобрал у него то, что ему самому, возможно, не очень и нужно. А каково будет Елене, когда она в конце концов поймет, что являлась для Олега просто занятой игрушкой на время?

«Я же, дурак, сам без конца расхваливал ей его, – думал Семен, – вот и нахвалил на свою голову!...» А может быть, пока еще не поздно, рассказать Елене всю правду про Олега, раскрыть ей глаза? Но это будет выглядеть не совсем достойно... и как-то подленько по отношению к другу. А что если поговорить с ним?.. Только о чем? «Олежек, прошу тебя как друга, не обращай внимания на Елену, которой ты нравишься, потому что она нравится мне...» Чуть ли не бред галимый!..

Семен и Олег сблизились еще в абитуре. Семена привлекли в Олеге те качества, которых не хватало ему самому: раскованность, легкое отношение к жизни, уверенность в своих силах. После поступления в институт они поселились в одной комнате общежития и большую часть времени проводили вместе. И тот и другой входили в число лучших студентов института, но то, чего Семен добивался старанием и усидчивостью, Олег брал играючи. Он мог почти не посещать лекции в течение семестра, но затем сдать экзамен на пятерку, посидев за учебником всего пару ночей перед экзаменом. Оба они увлекались спортом – играли в футбол и волейбол, но из них только Олега приглашали выступать за сборную института. Когда организовалась команда КВН, Олег сразу стал ее бессменным капитаном. Словом, Олег был звездой института, а Семен – другом звезды, ее серой планетой, и светил отраженным светом.

Вот еще интересно: никогда прежде, до Елены, Олег и Семен не были соперниками в любви, хотя и в институте, и здесь, в экспедиции, они имели общий круг знакомых девушек. Раньше Семен объяснял это тем, что у них с Олегом разные вкусы, а сейчас ему пришло на ум, что, может быть, он сам подсознательно, опасаясь неизбежного поражения, заранее исключал из своего внимания тех девушек, которыми мог заинтересоваться Олег.

Малыш заворочался, забормотал что-то во сне. Вот кто живет в гармонии с собой и миром! Когда Семен и Олег задумали восхождение на Авачу, они решили, что в этом деле им обязательно нужен третий. И тогда они оба, не сговариваясь, подумали о Малыше. Малыш, как и Семен, не имел никакого альпинистского опыта, но зато обладал крепким сложением, ростом за метр девяносто, первым разрядом по лыжным гонкам, суровым лицом викинга и детским непосредственным характером.

Предложение ему было сделано немедленно, и оно сопровождалось церемониальным распитием бутылки водки в комнате, где жили Семен и Олег (Малыш тогда еще обитал в другой комнате). Малыш попросил время для обдумывания, после третьей сказал, что все обдумал и согласен лезть с ними на эту гору. Семен тут же решил проверить его на пригодность и предложил ему борьбу на руках. Правой рукой победил Малыш, левой – неожиданно Семен, и после этого борьба на руках перешла у них в обычную борьбу. Верткому, сухощавому Семену удалось ловко подсесть под Малыша и оторвать его от пола для последующего броска через себя, но от чрезмерного веса у него подкосились ноги, и он с Малышом на плечах рухнул на кровать Олега. Кровать с треском развалилась, борцы оказались на полу и под брань хозяина кровати продолжили борьбу в партере. Малыш пытался задавить массой, Семен выворачивался. После серии переворотов они переместились под стол и опрокинули его вместе с посудой и остат-

ками закуски. К этому времени Олег примчался из кухни с кастрюлей холодной воды и остудил пыл разошедшихся борцов. И вовремя: у Семена из разбитого носа хлестала кровь, а Малыш вывихнул шею и с трудом поворачивал голову.

Стол поставили на место, Малыш, как самый молодой, сбегал, глядя вбок, в гастронорм, и ужин продолжился.

– Ну как, Сеня, сдал Малыш зачет? – спросил Олег.

– Пять баллов, – ответил Семен, осторожно ощупывая распухший нос.

За неделю до вылета на Камчатку выбрались за город, на сопку Два брата, где Олег решил дать Малышу и Семену уроки альпинистской техники. Утром потеряли полчаса, ожидая в фойе общежития Елену Соболеву, которую, как выяснилось, пригласил с собой Олег. У Семена, когда он узнал об этом, испортилось настроение: он живо представил, как Олег будет рисоваться, демонстрируя на глазах у Елены свое альпинистское мастерство.

Спустившись в фойе, Елена поздоровалась и извинилась за опоздание. Из кармана ее рюкзака выглядывала забавная мордочка плюшевого гиппопотама размером с котенка. «Знакомьтесь!.. – сказала Елена. – Это мой Гиппотут. Я всегда беру его с собой в поездки и походы, он мой талисман». Елена ничем не проявила своего особого отношения к Олегу, а при посадке в загородный автобус замешкалась и заняла место не возле Олега, на что тот явно рассчитывал, а рядом с Малышом. Елена была оживлена; в автобусе и позже, когда шли мимо дач к сопке, она старалась каждому из парней уделять одинаковое внимание.

У подножия сопки расчистили снег и развели костер. Олег, преисполненный важности, показал, как вяжут альпинистские узлы, надевают обвязку и пользуются карабином. При этом он то и дело поглядывал на Елену. Потом прошли к крутому голому участку склона, и Олег продемонстрировал, как надо ходить в связке, рубить ступени и задерживаться при падении. Он покрикивал на Семена и Малыша, заставляя их падать ничком на мерзлый склон, чтобы выяснить, хорошо ли они усвоили, как надо зарубаться ледорубом. А один раз даже подтолкнул Семена, и тот от неожиданности растерялся и на спине скатился до самого низа, к ногам хохочущей Елены.

– А представь, что там была бы пропасть! – крикнул сверху довольный Олег.

Затем поднялись еще выше, туда, где начинались отвесные скалы. Олег с обратной, относительно пологой стороны забрался на гранитную вершину, закрепил там карабин, продернул через него веревку и сбросил оба конца вниз. Вернувшись, он привязал один конец к своей обвязке, другой, страховочный, дал в руки Малышу и полез по скале вверх, демонстрируя искусство скалолазания.

– Олег, пожалуйста, осторожней! – испуганно крикнула Елена.

– Для мастера это детский маршрут, – со смехом ответил Олег. – Сеня, Малыш, смотрите внимательно, как я все делаю. Запомните: главное – всегда быть лицом к скале и иметь не меньше трех точек опоры!

Минут через пять он достиг вершины, помахал победительно рукой и стал спускаться по скале обратно. На середине спуска Олег решил показать, как работает страховка. Предупредив Малыша, чтобы он выбрал слабинку и держал страховочный конец крепче, Олег отпустил руки, а ногами оттолкнулся от скалы. Капроновая веревка, полученная на экспедиционном хозяйственном складе, была скорее бельевой, чем альпинистской, поэтому от его веса она чрезмерно растянулась, и Олег оказался под скальным козырьком. Малыш, торопясь компенсировать растяжение веревки, дернул со всей силы, отчего Олег подался вверх и больно ударился головой о скалу, но виду не подал.

– Вот видите, – крикнул он бодро, – при надежной страховке срыв не страшен!

Потом на скалу по очереди слазили Семен и Малыш. Олег снизу давал руководящие указания. Елена штурмовать скалу категорически отказалась.

– А сейчас, – сказал Олег, когда все снова собрались у подножия скалы, – пройдем этот маршрут еще раз, только теперь на время. Сначала ты, Малыш, потом Семен, а затем я. Посмотрим, бездари, пошло ли учение вам впрок? – и он достал из рюкзака секундомер.

Далее произошла неловкость – учитель показал время худшее, чем ученики. Олег растерянно тряс секундомер и прикладывал его к уху, глядел с подозрением на Семена и спрашивал, не включил он его случайно раньше времени. Малыш хохотал от души. Елена, улыбаясь в сторону, поддерживала версию с неисправным секундомером. Семен изо всех сил сохранял серьезный вид, держа фигу в кармане. Причина конфуза, собственно, была на виду: Олег, просидевший зиму на документации скважин, весьма утратил свою былую спортивную форму.

По дороге в город Олег неожиданно предложил Семену и Малышу совершить восхождение не на Авачу, а на Ключевскую сопку... При этом он ничего не сказал о том, что такое предложение уже поступало раньше от Семена. Глядя честными глазами на изумленного друга, Олег заявил, что на самом деле, как он прочитал, подъем на Ключевскую технически не очень сложен: по скалам лазить там особенно не надо; понадобится, конечно, хорошая дыхалка, но у них есть еще целая неделя для тренировки выносливости... Очень хорошее упражнение – бег с рюкзаком, в котором лежат три-четыре кирпича... Малыш тут же заявил, что он готов, а Семену под испытующим взглядом Елены тоже ничего не оставалось, как согласиться.

Наступил последний вечер перед вылетом. В комнате, заваленной снаряжением и продуктами, трудно было повернуться. Казалось невероятным, что все это удастся разместить в трех рюкзаках. Олег уже пробовал, ворча и обзывая Семена Плюшкиным, выявить ненужные вещи, но отбраковал только котелок и чайник, заявив, что еду готовить можно и в алюминиевых футлярах из-под походных примусов. В десятидневном запасе продуктов, который составили супы, каши и кисели в пакетах, тушенка, сгущенка, сало, сушеные фрукты, сухари и чай, также не удалось обнаружить ничего лишнего.

Несмотря на то что к поездке готовились почти два года, кое-какие дела остались и на последний день. Малыш смолил деревянные охотничьи лыжи, Олег дополнительно толстыми капроновыми нитками крепил лямки рюкзаков и петли на брезентовой палатке, а Семен сверлил дырки в дюралевых листах. Эти листы в комбинации с запасными лыжами должны были в походе превратиться в замечательную волокушу. Об этой волокуше Семен прочитал в одном туристическом журнале.

В десятом часу пришла Елена. Одной рукой она прижимала к себе Гиппопотута, в другой держала вафельный торт. «Мы с Гиппопотутом пришли вас проводить» – сказала Елена. Малыш поспешил на кухню ставить чайник. Устроили прощальное чаепитие. Елена с интересом рассматривала походное снаряжение. Особенно ее восхитили три пары горных ботинок, которые смастерил Семен, нарастив обычные рабочие ботинки, именуемые в народе ЧТЗ (Челябинский тракторный завод), высокими голенищами со шнуровкой. Голенища он выкроил из старых кирзовых сапог, а жестяные крючки для шнуровки вырезал из консервной банки.

– Какой ты, оказывается, умелец, Семен! – похвалила Елена.

– Потомственный сапожник! – ухмыльнулся Олег.

– В самом деле? – Елена подняла удивленно брови.

– Ну да! – ответил Семен. – А Олег – потомственный клоун! Из бродячего цирка.

– А ты кто у нас потомственный? – обратилась Елена к Малышу, явно с целью замять пикировку между Олегом и Семеном.

– Я?.. Кто я?.. Наверно, потомственный обжора! – с этими словами Малыш протянул руку к последнему куску торта.

– Да вы, я вижу, все поест не дураки, – Елена окинула взглядом груды консервных банок и пакетов с едой.

– Однажды, – сказал Олег, улыбаясь и заводя глаза вверх, – я и наш запасливый Сеня сплавлялись по Буре. Вертолетом нас забросили в самое верховье, и мы плыли вниз, доку-

ментируя береговые скалы. Маршрут планировался на три недели, в расчете на это время мы и взяли еды. Но Сеня половину сразу отложил как неприкосновенный запас на всякий случай. В результате неделю он держал меня на голодном пайке, а потом всю еду, включая неприкосновенный запас, утопил... Ну, ладно, ладно, – уточнил Олег, заметив протестующий жест Семена, – мы вместе утопили... Короче, из-за него я сначала неделю жил впроголодь, а потом две недели вообще был на подножном корму! Потерял десять килограммов драгоценного своего веса. А Сеня, между прочим, почти не похудел... Сознайся, Семен, был у тебя тогда еще какой-то запасец, который ты от меня прятал?..

– Не гони туфту! – возмутился Семен, невольно краснея.

– Да шучу я, шучу! – сказал Олег. – Юмора не понимаешь?..

– Ну что, – спросил Малыш, – еще чайник вскипятить?

– Лена, пошли гулять, – сказал Олег, понизив голос.

– Хорошее предложение! – откликнулась Елена. – Идем, ребята?

– Я пас, – сказал Малыш, – мне надо лыжи досмолить.

– Тебе, Сеня, тоже сегодня надо с волокушей закончить, – поспешил сказать Олег, видя, что Семен не собирается отказываться от прогулки.

– Вообще-то я уже закончил, а прогуляться перед сном... не мешает, – ответил Семен, взглянув на Елену. Ему показалось, что она обрадовалась его словам.

На улице было ветрено и морозно. В свете фонарей глянцево блестели подтаявшие днем и снова с наступлением вечера замерзшие сугробы. Тонкая ледяная корочка покрывала тротуар. Елена держалась одной рукой за локоть Олега, другой – за локоть Семена, но все равно поминутно поскальзывалась, заливаясь смехом. Оба ухажера сосредоточенно молчали, и ей приходилось самой поддерживать разговор.

– Ребята, привезите мне с Камчатки какой-нибудь сувенир.

– Вулканическая бомба с Ключевской сопки, из самого кратера, тебя устроит? – спросил Олег.

– Да, только не очень большая. Маленькая такая бомбочка, чтобы ее можно было поставить на полку.

– Считай, что она у тебя уже на полке!

– А ты, Семен, мне что-нибудь привезешь?

– Ну... красной икры, может быть.

– Какой же это сувенир? Это еда! – засмеялся Олег. – Неважно у тебя с фантазией, Сеня.

– Ничего, икра тоже пойдет, – сказала Елена.

Дошли до перекрестка с мигающим желтым светофором и повернули обратно. Когда поравнялись с общежитием, Олег не выдержал:

– Семен, ты это... иди, а мы с Леной еще погуляем...

Семен непроизвольно попытался освободить руку, но Елена ее удержала.

– Олег, что ты себе позволяешь! – гневно сказала она. – Фу, как это... как это некрасиво!.. Раз так, лучше уйду я! – и Елена бросилась к подъезду.

Хлопнула дверь.

– Какого хрена, Семен? Неужели тебе не понятно, что ты – третий лишний? – зло сказал Олег.

– Нет, не понятно, – сжав зубы, ответил Семен. – Мне кажется, что лишний как раз ты!

– Я? – удивился Олег.

– Ты.

– С тобой сегодня все нормально?

– Со мной нормально, а вот у тебя, похоже, проблемы, раз ты ничего не видишь!

– Что я не вижу?

– То, что ты Лене не нужен!

- А-а, вот так! Ей, значит, нужен ты? – Олег захохотал в деланном восторге.
- Почему нет?
- Да потому, что ты... ты никакой! Ты серый и скучный человечек!
- Что ты сказал, индюк самовлюбленный? – Семен вне себя от злости схватил Олега за воротник куртки.
- Руки убери, – прошипел Олег.
- А то что?
- А вот что! – Олег перехватил руки Семена и ударом ноги резко подсек его ноги. Семен повалился на тротуар, но и Олег не устоял и, поскользнувшись, упал рядом с ним.
- Болван! – сказал Олег, поднимаясь и отряхиваясь.
- От болвана слышу! – парировал Семен, вставая следом и подбирая свалившуюся с головы шапку.

Глава 2. На край света

Вылет рейса в Петропавловск-Камчатский откладывался уже несколько раз: аэропорт Елизово не принимал по метеоусловиям. Близился второй час ночи, но еще днем, когда путешественники только зарегистрировались и сдали багаж, стало ясно, что ничего хорошего их не ожидает. Один за другим переносились рейсы на Сахалин, Магадан и Советскую Гавань. Очередной тихоокеанский циклон навалился на восточную окраину Союза, плотно закрыв ее штормами и метелями.

Огромное гулкое здание аэропорта было переполнено. Пассажиры, которым не досталось мест на скамьях, – а таких насчитывалось большинство – остаток дня и весь вечер бродили неприкаянно по холодному залу, с завистью поглядывая на сидячих счастливиц, а с наступлением ночи стали устраиваться прямо на бетонном полу и на каменных ступеньках лестниц. Малышу повезло: он случайно обнаружил на полу у колонны теплое пятно размером с тарелку, застелил его газетой и улегся, свернувшись по-собачьи клубком. Олег и Семен сели по обе стороны от него, прислонившись спинами к ледяной колонне. Со вчерашнего вечера они не разговаривали друг с другом. Оба жестоко мерзли и страстно желали, чтобы эта ночь закончилась как можно скорее.

Семен заново переживал неприятность, случившуюся с ним днем. Едва они вошли в здание аэропорта, к нему подплыла, метя пол пестрой юбкой, улыбающаяся цыганка средних лет. Она предложила погадать по руке. Семен не раз слышал о том, как цыганки выманивают у доверчивых людей деньги, и прежде никогда не вступал с ними в разговоры. В этот раз он изменил себе. Ведь он был все-таки не один, а с друзьями. Кроме того, невозможно было ожидать какого-либо обмана от такой обаятельной и симпатичной женщины. Разве что пара стальных зубов несколько испортила ее знойную красоту.

И он протянул цыганке руку. Она провела указательным пальцем по его ладони, как бы разглаживая линии, и сказала, что Семена ждет дальняя дорога. Семен усмехнулся: он и сам мог предсказать это любому здесь в аэропорту. Цыганка, однако, не смутилась и, продолжая вглядываться в его ладонь, сообщила, что ему нравится одна девушка-красавица, но между ними стоит один очень близкий ему человек. Семен невольно поискал глазами Олега и обнаружил, что друзей рядом нет. Вероятно, они смешались с толпой у стойки регистрации. Цыганка между тем попросила «позолотить ручку», чтобы она могла точнее рассказать про то, что будет. Семен достал из кармана несколько монет и положил себе на ладонь. Цыганка, глядя ему в глаза, начала быстро-быстро говорить что-то не совсем понятное. Из малосвязного потока слов Семен уловил, что этих денег недостаточно для верного предсказания. Он wygrеб из карманов оставшуюся мелочь... Цыганка опять забормотала... Тут Семен на какое-то время отключился, а когда пришел в себя, обнаружил краешком сознания, что они находятся уже не в общем зале, а в каком-то пыльном закутке за газетным киоском, где их плотно окружают еще несколько цыганок и множество цыганят разного возраста. Семен услышал, что монеты не годятся, нужны бумажные деньги. У Семена во внутреннем нагрудном кармане лежали не только его личные деньги, но и довольно большая сумма, образованная в складчину для общих нужд группы. «Достану только одну купюру...» – подумал Семен, расстегивая куртку. В это время его и окликнул Малыш, показавшийся у входа в закуток.

Семен стряхнул оцепенение и сказал цыганке, что бумажных денег у него нет, что ему надо бежать, что он уже опаздывает на самолет. Лицо цыганки сразу стало злым и некрасивым, она ударила снизу по его ладони (монеты разлетелись веером, цыганята бросились их собирать)

и осыпала Семена ругательствами и проклятиями. Последнее, что он услышал, было: «Чтоб у тебя эта рука отсохла!»

Теперь Семен в тревоге размышлял о том, что и когда может с ним случиться, чтобы его рука отсохла. И он представлял себе эту свою засохшую руку, похожую на надломленную, повисшую ветку больного дерева, и ему было очень неприятно.

Посадку объявили только утром, в половине десятого. Спустя час взлетели. Под крылом самолета в разрывах облачного покрывала сначала виднелись заснеженные змеевидные излучины замерзшего Амура, затем потянулись изборозжденные трещинами ледяные поля Охотского моря, и лишь на исходе третьего часа полета показались наконец остроконечные хребты Камчатки. Еще немного, и взгляду открылась необъятная синяя гладь Тихого океана. Самолет, снижаясь и разворачиваясь, лег на крыло, опять появилась суша, и во всей своей красе предстала чаша Авачинской бухты с пестрой россыпью кораблей и белым городом, протянувшимся вдоль ее берегов.

От аэропорта Елизово до Авачинской бухты и Петропавловска-Камчатского около тридцати километров. Впрочем, камчатскую столицу планировалось посетить на обратном пути, после восхождения, поэтому сразу была сделана попытка, не задерживаясь в Елизово, улететь дальше, на север полуострова. Однако выяснилось, что самолет в Ключи (поселок, ближайший к Ключевской сопке) сегодня уже улетел, и, хотя он летает туда ежедневно, билетов на ближайшие дни нет, а есть только на 1 апреля. Потеря трех дней серьезно ломала планы, и красавчик Олег, включив обаяние, с шоколадкой в рукаве отправился на новые переговоры с кассиршей. Она вошла в положение и посулила обеспечить вылет как можно раньше, может, даже и завтра: бывает, что люди, купившие билеты, отказываются от полета... Для верности надо только купить билеты на 1 апреля. Тут же выяснилось, что с 1 апреля цена билетов повышается на треть. Делать нечего, пришлось купить эти дорожные билеты.

Теперь оставалось только ждать завтрашнего утра и надеяться на лучшее. Чтобы убить время, решили оставить вещи в камере хранения и налегке съездить в Паратунку, знаменитую своими горячими источниками. Маршрутный автобус шел до Паратунки около часа. По обе стороны дороги тянулись леса и поля, щедро засыпанные снегом. Взгляд, брошенный вдаль, увязал в туманной пелене.

Место традиционного паломничества камчадалов и приезжего люда представляло собой небольшое природное озеро с горячей водой. Озеро было огорожено глухим забором во избежание дармового пользования природным добром. На берегу стояло деревянное строение для переодевания, к которому примыкал дощатый настил со ступенями, ведущими в воду. Входные билеты продавались в кассе при раздевалке. В кассу же посетителям предлагалось сдавать деньги и ценные вещи. Кассирша своим смугло-выразительным лицом и металлическими зубами живо напомнила Семену хабаровскую цыганку, которой он не дал завершить предсказание своей судьбы. К тому же кассирша имела на руках наколки явно тюремного происхождения. Семен заявил, что ни за что не доверит этой даме свои деньги и ценные вещи.

– Вот и отлично! – язвительно сказал Олег. – Мы с Малышом покупаемся, а ты покараулишь.

– А может быть, ты покараулишь, а я с Малышом буду купаться! – сразу полез в бутылку Семен.

– Вот что, мужики!.. – рассердился Малыш. – Я уже больше не могу смотреть на ваши кислые рожи!.. Какое может быть восхождение с таким настроением?.. Вернемся домой – тогда и скузуйтесь, хоть поубивайте друг друга!.. Короче, если вы намерены и дальше собачиться, я сдаю свой билет и лечу обратно в Хабаровск!.. Можно, блин, подумать, что это я позвал вас лезть на эту гору!..

Олег и Семен в ответ не проронили ни слова... Только угрюмо сопели... Кончилось тем, что все деньги, часы и документы, включая липовые командировочные удостоверения, необ-

ходимые для въезда в пограничную зону (к таковой относилась вся Камчатка), вручили-таки подозрительной кассирше.

Вода в озере без малого не обжигала. Несмотря на будний день, купающихся было много. Разморенные теплом, пришедшим из земных недр, они медленно дрейфовали по окутанному паром водному пространству. Изредка какой-нибудь сомнительной трезвости купальщик вдруг взмахивал энергично руками, взбивал ногами буруны и тут же затихал, обессиленный, и уже в полном изнеможении подгребал к неокультуренной части берега, чтобы выползти на живо-
тельный сугроб. Тут же заезжие граждане могли наблюдать редкостное явление: лежбище камчатских женщин. Дородные и томные, они лежали полупогруженно меж черных базальтовых валунов и лениво перебрасывались ленивыми фразами. Наши герои, поплавав минут десять и угорев от жары, выбрались на снег, но под настойчивым ветерком быстро продрогли и опять полезли в воду, чтобы согреться. Все это они проделали еще два раза, после чего отправились в раздевалку.

Внешность бывает обманчива: ничего из ценностей не пропало.

Поужинали в Елизово, в местной столовой, потом забрали из камеры хранения поролоновые коврики и спальные мешки и устроились на деревянных скамьях в маленьком зале аэро-
порта. По сравнению с ужасной ночью в Хабаровске эта ночь показалась сказочной!

Беспокойный Семен поднялся на ноги ни свет ни заря и задолго до начала регистрации занял место около стойки, чтобы быть первым в очереди на возможные свободные места. Регистрация пассажиров уже подходила к концу, когда от кассы, держа билеты в руках, подошел мужчина, одетый в бушлат защитного цвета, и, ни слова не говоря, втиснулся между Семеном и стойкой.

– У вас на сегодняшнее число билеты? – спросил Семен, неприятно пораженный бесцеремонностью незнакомца.

– Какая разница? – буркнул мужчина, не оборачиваясь. От него несло перегаром.

– Если не на сегодня, вы будете за мной...

– С какого хера? – мужчина повернул к Семену заросшее щетиной, слегка опухшее лицо и резанул его недобрым взглядом.

– Потому что мы купили билеты еще вчера, и я с утра стою первым... – спокойно сказал Семен, внутренне закипая.

– А я, может быть, еще позавчера тут стоял! – осклабился мужчина. Он был старше Семена лет на пять, одного с ним роста, но заметно шире в плечах.

Подошел Малыш:

– Что такое, Семен?

– Да вот, лезет без очереди...

– Мужик, ты чего? – набычился Малыш.

Со скамьи поднялся Олег и тоже направился к месту инцидента, но раньше Олега у стойки оказался кражистый мужчина лет сорока в таком же бушлате, как у первого незнакомца. Невольное сравнение с кабаном приходило на ум при взгляде на его приземистую плотно сбитую фигуру, короткую шею с мощным загривком и круглое лицо с маленькими узко посаженными глазами.

– Спокойно, ребята, спокойно, – сказал мужчина, без усилия одной рукой отодвигая Малыша в сторону. – Зачем зря шуметь? Мы идем по обкомовской брони...

– Нет у меня никакой обкомовской брони на этот рейс! – визгливо заверещала регистраторша. – И скандалить здесь не надо, местов всем хватит!..

– Ну вот, тем более, – ни мало не смутившись, резюмировал кражистый, прикрывая собой своего напарника, который тем временем уже сунул регистраторше билеты.

– Где ваши вещи? – закричала регистраторша. – Давайте на взвешивание!

– Здесь, здесь, – засуетился напарник кряжистого. Он метнулся к скамьям и подтащил к стойке два больших рюкзака.

– Туристы, что ли? – заметил Семен вполголоса.

– Какие, на фиг, туристы! – ответил Малыш. – Ты только посмотри на их рожи!.. Охотники это. Вон у них ружья в чехлах.

– На кого сейчас можно охотиться?

– Да мало ли на кого? На зайцев там или куропаatok...

В самолете охотники расположились позади хабаровчан и сразу, не дожидаясь взлета, начали курить и выпивать.

– Смотри, Палыч, – гундосил тот, что был моложе, – сколько мест еще свободных!

– Ну кассирша, вот же курва!.. – хрипло басил здоровяк. – Вернемся, я ей так задницу надеру – на всю жизнь меня запомнит, бляха-муха!.. Спихнула нам дорогие билеты, когда полно было дешевых!..

– Так конец квартала, Палыч!.. У них план, наверно, горит...

– Плевать мне на их план, бляха-муха!.. Наливай еще!..

Взлетели без проблем, пробившись к солнцу сквозь низкие плотные облака. До Ключей шестьсот километров. Через час полета в облаках появились дыры и стало видно береговую линию, вдоль которой летел самолет. Затем показалось устье большой реки, и «Як-40» повернул на запад, вглубь полуострова. Спустя несколько минут самолет начал снижаться, он опустился в облака, прошел их насквозь, потом через какое-то время попал в другой, нижний, слой то ли облаков, то ли тумана. В мутных разрывах пелены под крылом самолета проявилось селение на берегу реки – Ключи. Туман, вероятно, не давал пилотам прицелиться как следует, и им пришлось сделать несколько нервных кругов над поселком, прежде чем самолет нырнул наконец в открывшееся на миг зияние и почти сразу покатился, трясясь, по мерзлому грунту посадочной полосы.

Поселок состоял преимущественно из деревянных изб и бараков, утопающих в снегу. Проезжая (она же и прохожая) часть центральной улицы представляла собой пробитую бульдозером глубокую траншею, от которой вели узкие ходы-щели к жилым домам. Окрестности поселка закрывал густой туман, и ничего не указывало на то, что всего в трех десятках километров отсюда расположены высочайшие в мире вулканы.

До выхода в горы планировалось купить в Ключах бензин для примусов, кое-что дополнительно из продуктов и провести небольшую рекогносцировку. Существовала надежда, что есть пусть захудалая, но проезжая дорога в сторону Ключевской сопки, и в таком случае можно договориться с каким-нибудь поселковым шофером и сократить пеший путь к вулкану. К тому же надо было ждать, когда рассеется туман. Выход из поселка при такой видимости равнялся бы самоубийству.

В леспромхозовской гостинице, единственной в поселке, свободных мест не оказалось. Предложение Малыша поставить палатку рядом с гостиницей и жить в ней в ожидании благоприятной погоды не нашло поддержки ни у Олега, ни у Семена. Впервые за последние дни они хоть в чем-то пришли к единому мнению.

Приятель-геодезист рассказывал, что в Ключах находится база вулканологов. К ним-то и решили обратиться за помощью. Все-таки вулканологи в какой-то мере тоже геологи и не должны выгнать на мороз своих хабаровских почти коллег. Тем более им, коллегам, всего-то надо переждать ночь в тепле и привычном уюте какого-нибудь камерального помещения. Словоохотливая раздатчица в кафе «Вулкан», куда наши герои зашли пообедать, рассказала, как найти вулканологическую станцию. На пути к станции договорились действовать по принципу: «Нет ли у вас воды попить, а то так есть хочется, аж переночевать негде!» Также решили не говорить вулканологам, что целью приезда является покорение Ключевской сопки. Все трое

понимали, что в своей самодельной экипировке они никак не тянут на серьезных горовосходителей и их притязания могут показаться смешными.

– Скажем, – предложил Олег, – что мы приехали походить по окрестностям поселка, сделать фотоснимки местных достопримечательностей и, если получится, посетить вулкан Безымянный.

Малыш и Семен согласились, что Безымянный, имеющий высоту всего около трех тысяч метров и расположенный рядом с Ключевской, будет хорошим прикрытием для их истинной цели.

Начальник вулканологической станции, средних лет мужчина в свитере и с бородой под Хемингуэя, принял «коллег» без особого восторга. Похоже, ему не понравилось, что какие-то посторонние люди будут шарахаться по его подшефным вулканам. Но тут Олег начал говорить про то, как им, геологам, ищущим руду, важно знать современные геологические процессы, происходящие на их, вулканологов, глазах, и про то, какая у них, у вулканологов, героическая профессия, – и начальник смягчился.

– К Безымянному пробиться можно, – сказал он, – но придется хорошо попрыгать. Снегу, видите, сколько навалило! Машины сейчас не ходят. Только на лыжах. Будьте готовы к тому, что на дорогу у вас уйдет несколько дней... Рядом с Безымянным у нас стоит вагончик, в нем устроена сейсмостанция. Там сейчас находятся два наших сотрудника. Я сообщу им по радиации, и они будут вас ждать...

– Это замечательно! – сказал Олег. – Спасибо большое!

Семен все-таки не удержался и спросил:

– А от сейсмостанции можно подняться на Ключевскую? Там же, кажется, недалеко...

– Летом, имея необходимую подготовку и снаряжение, это вполне реально. Через седловину между Ключевской и Камнем... А сейчас – исключено! На высоте сильные морозы и страшные ветры. Плюс к этому облачность и туманы.

Начальник повернулся к окну.

– Смотрите, даже в поселке видимость метров триста, а ближе к горам – и того будет меньше... В прошлом году, в это же время, прилетела сюда группа москвичей, человек десять. Куртки на пуху, специальные штормовки, импортное альпинистское снаряжение, – тут он покосился на самодельные «горные» ботинки на длинных ногах Малыша, неосмотрительно вытянутых в проход. – Мы их предупреждали, что у нас тут не так просто, как может показаться... Ну, что ты! «Мы такие опытные горовосходители, мы покорили все семитысячники Тянь-Шаня!». Вышли они из поселка – и пропали!.. Через четыре дня, когда погода немного наладилась, стали этих «горевосходителей» искать с вертолета. Оказалось, они даже до вулканов не добрались и в тумане не только горы, но друг друга потеряли. Три дня их собирали по оврагам. Двое все же насмерть замерзли. Вот такие дела, ребята... С Ключевской шутки плохи...

Он подошел к висящей на стене карте.

– А сейчас тем более... Ключевская на днях ожила. Все наши сейсмостанции отмечают усиленные толчки, и, похоже, на западном склоне конуса, где-то здесь, – начальник ткнул в карту карандашом, – образовался прорыв... Говорят, вчера ночью сквозь туман можно было видеть свечение.

– Лава потекла? – спросил Олег.

– Да, центральный кратер сейчас плотно забит застывшей лавой, и магма нашла себе выход на склоне.

– Красивое, наверно, зрелище! – сказал Семен.

– Не только красивое, но и очень опасное!.. В месте прорыва начинает интенсивно таять лед, и образуются грязекаменные потоки. Они куда страшнее даже лавовых языков: появляются внезапно и движутся стремительно!

– Такие потоки называются селевыми, – веско заметил Олег, обращаясь к Семену.

– Совершенно верно, – сказал начальник. – А вы, видно, не новичок в горах?

– Да, мне приходилось... – ответил Олег с достоинством, не развивая, однако, тему.

Возникла пауза, беременная прощальными любезностями. Молчание нарушил Малыш, решивший, что его друзья забыли, зачем сюда пришли. Он спросил неделикатно:

– Можно мы у вас переночуем?

Помещение кочегарки, где путешественникам предложили устроиться, вначале им не приглянулось: под ногами валялся мусор, пахло гарью; копоть и угольная пыль покрывали стены. Но выбирать было не из чего. К тому же геологи – народ непритворный. Быстро освободили один из углов от разного хлама, подмели пол, постелили полиэтиленовую пленку, на пленку бросили палатку, на палатке разложили коврики и спальники – и стало ничего, главное – тепло и просторно.

Лежа на спальниках, обсудили ситуацию. По главному вопросу мнения совпали. Никто – по крайней мере, вслух – не выразил желания отказаться от восхождения на Ключевскую сопку.

– Кажется, – сказал Семен, – начальник догадался, что мы собрались на Ключевскую, и специально нас запугивал...

– Запугивал, не запугивал, – оборвал его Олег, – а легко нам на этой горе точно не будет. Меня больше всего беспокоит, как вы, новички, перенесете горную болезнь...

– Но мы же и хотим сначала пройти акклиматизацию, а только потом штурмовать вершину – возразил Семен. – Эти москвичи, они же не на горе... погибли, они даже до вулкана не дошли, а элементарно заблудились где-то вблизи поселка. Если мы, допустим, доберемся до сейсмостанции – а она недалеко от подножия Ключевской – то нам уже будет трудно заблудиться, даже если погода испортится. Где там, на конусе, блудить-то? Двигай себе вверх...

– Ну, значит, надо идти на сейсмостанцию, – согласился Олег. – Ты как думаешь, Малыш?

– Согласен. Тем более нас будут ждать. Там, на месте, окончательно определимся...

По кальке с секретной карты, тайком изготовленной Семеном в первом отделе экспедиции, получалось, что от Ключей до сейсмостанции на Безымянном около восьмидесяти километров. Предстояло обогнуть Ключевскую группу вулканов с востока, двигаясь по долине реки Камчатка. Не меньше трех дней пути, однако...

Решили выходить на следующий день, рано утром. А пока, захватив пластиковую канистру, отправились на промысел. В поселковом магазине купили сахара, свежего хлеба и упаковку спичек. Семен с канистрой в руках вышел на перекресток и стал голосовать. Остановился первый же грузовик, шофер высунулся из кабины и, узнав, в чем дело, вылез со шлангом в руках. Он открыл крышку бензобака, сунул в него конец шланга, а другой конец дал Семену: «Соси!». Семен осторожно потянул из шланга воздух и тут же сунул конец в канистру, но ничего не потекло. Прodelал все еще раз – с тем же успехом. От крыльца магазина подошел Олег, который все это время со скептическим видом наблюдал за действиями Семена. Он решительно забрал у Семена шланг, дунул в него так, что в бензобаке забурило, и с силой потянул в себя. Бензин хлынул у Олега изо рта, из носа и, казалось, даже из ушей. Шланг он бросил, но Семен подхватил конец и направил его в канистру. Водитель грузовика хохотал на весь поселок и денег за бензин не взял.

Туман по-прежнему скрывал горы, с белесого неба сыпал и сыпал мелкий снег.

Остаток дня отдыхали и готовили лыжи: в тепле кочегарки накладывали на них различные мази и выходили на улицу пробовать скольжение. А вечером неожиданно пришли гости – трое местных парней, тоже альпинисты-любители. О приезде хабаровчан они узнали от знакомого вулканолога. Аборигены сказали, что после недавних снегопадов путь до Безымянного займет никак не меньше недели. Они сами через день, в субботу, пойдут на вулкан Шивелуч. Ключевские ребята предложили хабаровчанам присоединиться к ним: Шивелуч, во-первых,

выше, чем Безымянный, во-вторых, расстояние до него короче, а в-третьих, вшестером топтать лыжню, сменяя друг друга, гораздо легче, чем втроем.

Хабаровчане переглянулись, и Олег сказал смущенно, что они, вообще-то, хотят забраться на Ключевскую сопку... Вопреки опасениям, аборигены не стали смеяться. Они сказали, что их цель покорить все близлежащие вулканы, а на Ключевской они уже побывали прошедшим летом, поэтому составить компанию ребятам не смогут... Пожелали друг другу удачных восхождений и расстались.

Однако через час аборигены вернулись. Они решили отложить покорение Шивелуча на потом, а в этот раз сходить на вершину Крестовского вулкана, где они пока тоже не были. Крестовский соседствует с Ключевской сопкой, поэтому почти весь подход к вулканам будет общим. Также они предложили идти не через Безымянный, не делать крюк, а двигаться из поселка в горы кратчайшим путем, по их летнему маршруту. У седловины между Ключевской и Крестовским есть домик гляциологов, сейчас необитаемый, – там можно устроить промежуточный лагерь. От этого домика они пойдут на штурм Крестовского, а хабаровчанам оттуда будет не так далеко до Ключевской сопки.

Предложение местных ребят было принято с радостью. Все-таки хабаровчан, что греха таить, очень беспокоил этот длинный путь по глубокому снегу в незнакомой глухой местности и напрягала вполне вероятная перспектива долгого блуждания в поисках затерянного в оврагах вагончика сейсмостанции.

Про извержение, якобы начавшееся на Ключевской, аборигены ничего не слышали, и это еще больше убедило хабаровчан в том, что начальник вулканологической станции намеренно вводил их в заблуждение.

Таким образом, в ожидании субботы предстояло еще один день провести в Ключах.

Глава 3.

Таисия и Иван

Таисия впервые за последние дни позволила себе расслабиться. Она сидела на табурете, прислонившись к стене, в узком пространстве между холодильником и столом. Кухня была махонькой. Немного сдвинувшись, Таисия могла бы, не вставая с места, достать и до раковины, и до электрической плиты, и до тумбы с посудой. Тонкие с голубыми жилками руки Таисии, лежащие на коленях, покрывали капельки высыхающей воды. Из гостиной, отделенной от кухни коридором, доносились пьяные мужские голоса. «Все-все успела!» – подумала Таисия удовлетворенно.

Она вспомнила тот день, когда муж сказал ей, что к ним приезжают гости, и свой испуг, потому что одно дело, когда в гости приходят соседи или друзья, живущие здесь же, в Ключах, и совсем другое – когда гости приезжают с материка. Невозможно было представить себе, как она будет принимать в этой своей жалкой квартирке, расположенной на втором этаже покосившегося деревянного барака, совершенно ей не знакомых людей, живущих в большом городе, в красивых квартирах со всеми удобствами.

В гости приезжали друг мужа по службе в армии и с ним еще один человек, которого Ваня прежде не знал. Друг этот был у Вани старшиной, а сейчас стал большим начальником. Таисия так и не поняла, каким образом он отыскал Ваню, потому что почти двадцать лет у них не было никакой связи. Полгода назад Ваня получил от него первое письмо. Оказалось, друг является заядлым охотником и мечтает поохотиться на Камчатке. Иван тоже баловался ружьишком, и дичь, которую он добывал в сезон охоты, была хорошим подспорьем в семье. Потом было еще одно письмо, и вот неделю назад пришла телеграмма, где друг сообщал, что они прилетают.

Прежде всего Таисия взялась за квартиру. Последний ремонт они делали прошедшим летом, но осенью, с наступлением морозов, дом, как обычно, повело. В результате обоими местами порвались и отклеились, штукатурка на потолке кухни отслоилась и провисла вымем, грозя обвалиться. Кроме того, в гостиной, служившей также и спальней для детей, всю зиму промерзали углы – там пошла плесень. От Вани большой помощи в ремонте ждать не приходилось, вот в лес сбегать, куропаток к столу набить или ягоды какой насобирать – это да, это он с удовольствием, а по дому что-нибудь сделать – его прям с души воротит! Конечно, было время, когда ему приходилось круглый год заготавливать дрова и носить воду из уличной колонки, но два года назад в барак провели холодную воду, а также паровое отопление от поселковой кочегарки, и у Вани домашних забот резко убавилось.

От детей пока еще тоже в хозяйстве проку мало. Пете, хоть он и вымахал уже выше родителей, исполнилось только четырнадцать, Насте – на год меньше. Не то чтобы они ленились, нет: сама Таисия старалась сильно их не загружать, чтобы они больше уделяли внимания учебе. И они молодцы: Настя – круглая отличница, а Петя учится на «четыре» и «пять». Тоже мог бы быть отличником, если бы старался больше.

Сама Таисия в свое время была лучшей ученицей в Ключевской школе, думала инженером стать. После школы она поехала поступать в Петропавловск, но в институт ее не приняли – знаний, полученных в деревенской школе, не хватило. Поступила в педучилище и через два года вернулась в Ключи учителем начальных классов. Хорошая профессия, уважаемая, но для своих детей Таисии хотелось чего-то большего.

Как и многие камчадалы, Таисия и Иван мечтали, накопив денег, купить кооперативную квартиру в каком-нибудь городе на материке и переехать туда. Вначале думали это сделать к тому времени, как Пете идти в школу, но не получилось – вся зарплата уходила на текущие расходы. Потом решили во что бы то ни стало скопить требуемую сумму к окончанию Петей

школы. Сейчас до этого срока оставалось еще три года, но уже теперь им ясно было, что ничего с переездом не получится.

Первым делом Таисия замазала самодельной шпатлевкой трещины на потолках и стенах, потом побелила потолки известью и наклеила на стены новые обои. Следом покрасила полы. Повезло, что в школе как раз начались каникулы, можно было работать весь день, да и дети хоть как-то да помогали, иначе бы к приезду гостей Таисия не управилась. Но все обошлось. Даже половая краска, которая плохо сохла и до последнего дня липла к ногам и щелкала, успела высохнуть.

Затем Таисия взялась за приготовление угощений. Тут тоже подфартило: знакомые на днях забили свинью, и Таисия купила у них свежего мяса. Ваня поставил петли на зайцев и принес несколько штук. Картошки, квашеной капусты, замороженной брусники, соленой черемши, красной рыбы и икры – этого всегда имелось вдоволь, так что Таисии было с чем развернуться, из чего готовить, чтобы не ударить перед гостями в грязь лицом.

Ваня настоял на том, чтобы гости остановились у них, хотя в поселке была гостиница и Ваня мог бы там договориться. Таисия понимала, что мужу неудобно предложить другу, с которым он не виделся двадцать лет, поселиться в гостинице. Пришлось на время устроить детей у родителей. Они жили в своей старой маленькой избе на соседней улице. И старики, и дети были этому только рады. Ваня и Таисия первые годы после женитьбы тоже жили там. Это потом, когда у них уже родились Петя и Настя, им выделили комнату в этом бараке. Они вселились вчетвером в комнату, где сейчас гостиная, а вторую, маленькую, комнату, примыкающую к кухне, занимали тогда Зинка со своим мужем. Коммунальная квартира...

Зинка была крепко сбитой, грудастой, попой и говорливой бабенкой. То есть полной противоположностью маленькой, хрупкой и молчаливой Таисии. Что до фигуры, то Таисия и сейчас, в свои тридцать семь, остается девически стройной. Наряды тринадцатилетней Насти ей в самую пору.

В юности Таисия сильно переживала из-за своего маленького роста, и когда Ваня, который был еще ниже ее, стал за ней ухаживать, она сразу сказала себе, что замуж за него она ни за что не пойдет. Она представляла, какие у них могут родиться дети-мышатки... К тому же и фамилия у него была не очень – Шнырев. Таисия имела красивую фамилию Полянская и очень ею гордилась.

Ваня был родом с Рязанщины, а служил под Владивостоком. После службы он домой не поехал, а, решив подзаработать, завербовался на путину, на курильский остров Шикотан. После путины попал в Усть-Камчатск, где работал плотником на судоверфи. Однажды он приехал к знакомому в соседние Ключи и встретил на улице Таисию. Через несколько дней он перевелся в Ключи, в бондарный цех леспромхоза...

Таисия к этому времени уже год, как работала учителем: с утра до ночи пропадала в школе, а потом дома проверяла тетрадки своих учеников. Воскресными вечерами она выбиралась в клуб, где крутили кино и проходили танцы. На миниатюрную большеглазую Таисию заглядывались многие парни, но ей особо никто не глянулся. Ключевские ребята к тому же не отличались изящными манерами: от них пахло табаком, дешевым вином, и свои симпатии они стремились выразить исключительно молчаливым тисканьем в каком-нибудь темном углу.

Ваня был не такой. Он был робкий, но настойчивый. После работы он приходил в школу и сидел в коридоре на подоконнике в ожидании окончания занятий. Затем провожал ее до дому, помогая нести сумку с тетрадками и развлекая ее рассказами о себе и своих друзьях. Таисии все время было неловко, она думала, что все смотрят на них и шепчутся о том, какие они оба маленькие... У Таисиного дома они прощались, и Ваня шел к себе в общежитие. Встречались они и на танцах. Здесь Ваня был на одинаковых правах с другими ребятами. Правда, она никому не разрешала себя провожать, зная, что Ваня все равно увяжется за ней.

Так продолжалось несколько месяцев. Однажды Ваня, прощаясь, взял ее за руку и сделал ей предложение. Таисия освободила руку и сказала, что он очень хороший, но замуж пока она ни за кого не собирается... На следующий день Ваня не зашел за ней, как обычно, в школу. Не появился он и на другой день, и день спустя. Тут-то Таисия неожиданно для себя заволновалась. Она вдруг почувствовала пустоту и поняла, что уже не может жить без Ваниного привычного присутствия, без его нежного просительного взгляда. И ей стало страшно от того, что она может потерять навсегда самого близкого ей человека, человека, который, может быть, любит ее так, как никто другой любить никогда не будет... А что если он с отчаянья натворит глупостей: с собой что-нибудь сделает или возьмет да и предложит другой девушке выйти за него замуж?.. После бессонной ночи Таисия не выдержала и сама пошла к нему в общежитие. Выяснилось, что Ваню неожиданно послали в срочную командировку и что он вернется через неделю.

Действительно, Ваня вернулся через неделю. А еще через месяц они сыграли свадьбу, а еще через год у них родился Петя (и совсем не маленький, а большенький такой мальчик), а потом еще через год и Настя.

А с соседкой Зинкой у Таисии отношения сразу не заладились. Таисия ревновала к ней Ивана. Никаких серьезных оснований у Таисии для этого не имелось, но про Зинку ходили разные нехорошие слухи, и во внешности ее так и выпирало все такое откровенно женское... Зинкин муж каждый год на несколько месяцев уходил в море, потом его списали за что-то с корабля, и он нанялся к геологам бить шурфы, запил, забичевал и, в конце концов, сгорел от водки.

Через месяц после смерти мужа Зинка выселилась и уехала на материк, к матери, а ее комната досталась Шныревым. Конечно, грех радоваться, когда счастливое событие как-то связано с горем другого человека, но Таисия была на седьмом небе: во-первых, наконец-то она стала единовластной хозяйкой целой квартиры, во-вторых, исчезла угроза ее семейному счастью, и, в-третьих, они с Ваней имели теперь отдельную спальню – спать в одной комнате с детьми, которые к этому времени уже подросли, стало совсем неудобно...

– Палыч, Жора, ну что вы ничего не едите? – суетился за столом раскрасневшийся Иван. – Вот рыбка соленая, вот копченая, вот икорка!.. Ложите побольше! У нас этой икры – вагон и маленькая тележка!..

– Да мы уже столько съели! Куда еще больше, бляха-муха! – ослотившийся от еды и выпивки Палыч в рубашке, расстегнутой до пояса, откинулся на спинку стула и похлопал себя по животу. И этот выпуклый живот его, и мощная грудь покрыты были рыжеватой курчавой шерстью. – Вот тебе-то надо на жратву наваливаться! – Палыч смерил взглядом худощавого Ивана. – Или не в коня корм?..

– Конституция у меня такая! – хихикнул Иван.

– Херня все это – конституция! У Жоры вот тоже кость узкая, а посмотри, какой он крепкий!.. А-а, я знаю: у тебя, Шнырь, бляха-муха, солитер завелся! – и Палыч громко захохотал.

Вслед за ним засмеялись Иван и Жора. Иван смеялся мелким деликатным смешком, Жора издавал захлебывающиеся звуки, похожие на безудержное икание.

– Ну, Палыч! Ну, юморист! – хлопал себя по бедрам Жора. – Как скажет, так – хоть стой, хоть падай!.. Солитер завелся!.. Солитер... Ик-ик-ик...

– Шнырь, слышь, а почему жена твоя посидела с нами немного и убежала? – прервал смех Палыч. – Не рада гостям или брезгует?

– Ну что ты, Палыч! – испугался Иван. – Она там, на кухне, дела еще какие-то недоделала, сейчас придет, я позову...

– Давай зови, бляха-муха! – Палыч ухватил короткопалой рукой водочную бутылку и стал наполнять рюмки.

– Только, это, мужики, – сказал Иван, – не говорите ей, что мы на медведя пойдем. Я-то ей сказал, что вы за бараном приехали... Ну, знаете, баба... ничего в охоте не понимает, ей скажи: медведь – она тут же запричитает, заохает!..

– А медведь точно будет, Шнырь? – недоверчиво прищурился Палыч.

– Железно! Он, это, осенью поздно залег, уже по снегу, почему я его и засек... Петлял он, конечно, путал, но меня же, старого браконьера, не проведешь!.. Места эти я знаю как свои пять пальцев. Там, конечно, это, сейчас снегом все завалено, но я метки оставил – берлогу найдем легко, не бойсь...

– Нормальный медведь-то? Не пестун какой-нибудь? Ты писал, бляха-муха, что у вас тут большие водятся.

– Медведь – что надо, Палыч! По следам так центнеров на шесть потянет!..

– Ну, не свисти, Шнырь! Шестьсот килограммов! – замахал руками Палыч. – Жорик, мы под Северо-Енисейском мишку завалили, сколько он весил?

– Триста двадцать кило, Палыч.

– Вот, бляха-муха, триста двадцать! Огромный такой мишка – и триста двадцать! А ты, Шнырь, говоришь шестьсот!..

– Палыч, ты просто не канаешь: тут, это, совсем другие медведи, камчатские! Я тебе железно говорю – шесть центнеров, а то и больше! Если он станет на задние лапы, будет выше тебя в два раза!

– Ну, Шнырь, бляха-муха, если не свистишь, я тебе... В общем, мы берем только шкуру, остальное тебе...

– Я, это, желчь возьму да сала немного. Много на себе не утащишь: дороги же туда нет...

– Шнырь, так ты зови жену-то!.. Подожди-ка, я сам схожу, – Палыч поднялся из-за стола и, качнувшись, вышел из гостиной.

– Жора, – спросил Иван, понизив голос, – я не понял, ты, это, кем у Кабана работаешь?

– У какого Кабана?

– Ну, у Палыча. Мы его в роте Кабаном звали...

– Был Кабан, стал Егор Павлович! – веско заметил Жора. – Вожу я его. Личный водитель.

– Шестеришь, значит.

– Почему «шестеришь»? – обиделся Жора. – Я говорю: личный водитель...

– Да я ничего такого, что ты, Жора!.. У нас на Камчатке тех, кто возит начальство, шестерками называют. Ничего обидного...

– Мы с Палычем почти что друзья, – Жора все еще глядел на Ивана сердито. – И на работе вместе, и в отпуске. Вместе охотимся, рыбалим... Он мне квартиру оформил без очереди... А ты говоришь: «шестерка»!..

– Да ладно, ладно, Жора, извини!.. Давай, это, еще раз за знакомство...

Глава 4. Медведь

Они с сестрой, толкаясь, карабкались наперегонки вверх по склону. Очень важно было забраться первым, потому что снизу смотрела мать. Когда до вершины снежника оставалось совсем немного, сестра вырвалась вперед и сразу же, раскинув лапы, бросилась брюхом на снег и заскользила вниз. Он устремился следом. Мокрый снег приятно холодил брюхо, от скорости захватывало дух. На середине спуска он догнал сестру и, изловчившись, поддал ей лапой. Сестра перевернулась набок и тут же ухватила его зубами за шерсть на холке. Он поднялся на лапы, споткнулся и кувыркнулся через голову, увлекая сестру за собой. Так, крутящимся мохнатым клубком, они и подъехали к матери. Ниже снежника был чавкающий, пропитанный талой водой дерн, и здесь они опять устроили кутерьму, с притворной яростью бросаясь друг на друга, падая и поднимаясь. Весеннее солнце сияло на чистом голубом небе, склоны вокруг покрывала молодая глянцево-зеленая трава, и только здесь, в крутой вершине узкого оврага, еще искрился снег.

Сестра ловко выскользнула из-под него и снова помчалась в гору. Он бросился вдогонку, напрягая все силы...

Дергающейся лапой, имитирующей движения, видимые во сне, медведь задел свою морду и очнулся. Не выходя из дремы окончательно и не открывая глаз, он напряг слух и потянул носом воздух. Все было спокойно: привычная тишина окружала берлогу, никаких опасных запахов не поступало через узкое отверстие в низком своде его укрытия. Медведь полилиз пересохшие, потрескавшиеся за зиму подошвы лап и снова забылся.

Это был матерый десятилетний самец, но во сне он чаще всего видел себя медвежонком. Ему снились разные забавы и игры с сестрой, брусничные поляны, заросли сладкой малины, сцены рыбалки. В этих снах всегда, явно или незримо, присутствовала мать – мудрая и всемогущая защитница, и от этого они были наполнены бесконечным ощущением покоя и безопасности.

Мягкий мамин живот, дающий тепло и сладкое молоко, – первое, что узнал медведь в своей жизни. Через месяц после рождения у него прорезались глаза, и он смог увидеть в сумраке берлоги не только материнский живот, но и ее большие лапы, ее огромную морду с добрыми глазами и ласковым языком. Рядом крутилась беспокойная сестренка. Вверху, над головой матери, светилась дыра, через которую снаружи проникал свежий воздух, неся разнообразные запахи.

День ото дня в берлоге, приютившей медвежью семью, становилось светлее: куржак, обрамляющий дыру, испарялся от теплоты наружного воздуха, и отверстие все более и более расширялось. Наступил день, когда сверху потекла вода, и в берлоге стало сыро и неудобно. Тогда медведица раздвинула ветки и коряги, закрывающие вход в укрытие, и выбралась наверх. Медвежата поспешили за ней. Внешний мир встретил их ярким светом, больно ударившим по глазам, густым настоем запахов леса, пробуждающегося к новой жизни, тугой и пестрой волной звуков. Галдели и свистели птицы, бурая прошлогодняя трава шелестела на прогалинах, шумел ветер, запутавшийся в вершинах темно-зеленых елей.

Медведица сразу повела медвежат в редколесье, туда, где снег сошел уже почти полностью, где можно было питаться остатками прошлогоднего урожая кедрового стланика, а главное – имелась возможность передвигаться, не оставляя заметных следов. Она знала, что в это время из селений, расположенных по берегам большой реки, приходят на медвежьи территории опасные люди, отслеживающие проснувшихся медведей по следам на снегу и несущие им смерть.

Первое время после выхода из берлоги – самое голодное. Прошлогодных орехов и ягод удавалось найти не так уж много. Чтобы прокормить себя и медвежат, медведице приходилось выкапывать из едва оттаявшей земли съедобные корни растений, разрывать норы грызунов в поисках их самих и их припасов. Порой, чтобы обнаружить очередной достаточно прогретый солнцем кормовой склон, они покрывали за день не один десяток километров. С наступлением сумерек медведица находила укромное место и устраивалась на ночлег. Уставшие медвежата льнули к ее животу, ища сосцы, и засыпали во время кормления.

В мае стало легче: на альпийских лугах появилась свежая сочная трава, кустарники покрылись молодой листвой, которая тоже годилась в пищу. Позже, когда лес в долине и предгорьях полностью освободился от снега, а листва берез, осин и тополей уже могла укрывать ее и медвежат от опасных людей, медведица вернулась в окрестности берлоги, чтобы лакомиться черемшой и первыми ягодами.

Иногда в лес заходили люди, которые, как знала медведица, не представляют угрозы ни ей, ни ее детишкам. В гамме запахов, исходящих от этих людей, медведица не улавливала те особые пугающие запахи, которые всегда сопровождают охотников – запах пороха и запах смазочного масла. Группы этих незлых людей, в отличие от крадущихся охотничьих отрядов, были шумны и многоголосы, и медведица задолго до их приближения могла определить, куда они идут, и увести медвежат в сторону. На тропах и стоянках людей порой обнаруживались остатки их еды. Медвежатам особенно нравилось вылизывать банки из-под сладкого сгущенного молока.

В середине лета медведица повела медвежат к большой реке. Здесь медвежата впервые увидели своих сородичей. Некоторые медведи были гораздо крупнее их матери, просто великаны. Каждый занимал у реки свой участок и грозным рычанием давал понять медведице, что ей и ее детишкам здесь делать нечего и лучше уйти подобру-поздорову.

Наконец, медведице удалось найти свободное место. Медвежата боялись реки и держались подальше от кромки воды. Река представлялась им огромным чудовищем, разлегшимся в лесу. В том месте, где остановилась медведица, был пережат, и его шум медвежата принимали за злобный предостерегающий рев этого грозного исполина. Однако мать бесстрашно забралась на косматую холку чудовища и погрузила голову в воду.

Когда, спустя несколько секунд, медведица вынула голову из воды, в ее пасти бился странный серебряный зверь без лап. Медведица вернулась к медвежатам и бросила бьющегося зверя к их ногам. Из прокушенного тела зверя текла кровь. Более сообразительная сестра бросилась на зверя и прижала его лапами к береговой гальке. Зверь неожиданно взмахнул мощным хвостом и ударил сестру по морде. Сестра испуганно взвизгнула и кинулась под защиту матери. Воспользовавшись этим, серебряный зверь поскакал к воде. И тут маленький медведь совершил первый в своей жизни мужественный поступок: он бросился на зверя, схватил его зубами за голову и одновременно всем телом навалился на его опасный хвост. Вкусная кровь заполнила пасть медвежонка. Медвежонок сильнее сжал челюсти, голова зверя хрустнула, и он перестал биться. Подошла мать, одобрительно урча. Гордый медвежонок торжествующе хрипел, не отпуская голову зверя. Сестра проскользнула меж ног матери, вцепилась зубами в поверженного зверя, деловито стала выедать его спину...

Весь остаток лета медведица и медвежата провели около реки, питаясь рыбой. С наступлением осени в долине начала поспевать голубица, за ней – клюква, и медвежья диета стала более разнообразной. Прошло еще немного времени, и медведица покинула долину. Большая рыба ушла из реки, зато в предгорьях, на каменистых склонах, зазелели брусничные россыпи, а ветви кедрового стланика поникли под тяжестью щедрого урожая орехов.

К заморозкам и медведица, и медвежата накопили достаточно жира, чтобы спокойно встретить зиму. Они опять спустились в лес, в ельник, знакомый медведице с детства. Там она нашла оставленную весной берлогу, устроенную под вздыбленными корнями большой наполо-

вину поваленной ели. Логово в том виде, в каком его обнаружили медведи после полугодового отсутствия, не годилось к зимовке.

Первым делом медведица освободила его от влажной листвы и разного прелого лесного мусора. Затем она несколько углубила и расширила берлогу, ведь медвежата так выросли, что теперь для троих берлога прежних размеров была бы тесна. Стараясь не уходить далеко от берлоги, медведица надрала корья с поваленного сухостоя и застелила им в несколько слоев дно логова. Сухой мох с ближайшего болотца послужил дополнительной мягкой подстилкой. Медвежата помогали матери, принимая это за новую игру. Завершив внутреннее убранство, медведица приступила к наружным работам. Корягами и еловым лапником она плотно завалила логово, оставив только отверстие для входа.

Несколько дней после этого медведи провели возле берлоги, залезая в нее только на ночь, обживая. Однажды вечером медведица, забравшись в жилище следом за своими детьми, заложила ветками вход изнутри. А ночью выпал снег и накрыл берлогу и все вокруг белым одеялом. Больше медведи до самой весны не выходили из берлоги. Медвежата утомнились и заснули на второй день после снегопада, а медведица бодрствовала еще с неделю, беспокойно прислушиваясь и принюхиваясь. За эту неделю снег выпал еще два раза. Он придавил ветки, маскирующие берлогу, и теперь недобрый человек, находясь даже совсем близко от этого места, не смог бы догадаться, что рядом с ним под снегом спит медвежья семья...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.